

Фонд
В. П. Бирюков

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГАЗЕТЪ

УРАЛЬСКАЯ = ЖИЗНЬ =

№ 22

Воскресенье, 31-го Мая 1915 года.

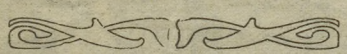
ТЕПЕРЬ...

(Фрагментъ).

У меня лишь осталось желанье одно:
Нѣжно слиться съ Нирваной—
Вѣдь любви невозвратной святое звено
Порвалось слишкомъ рано.
И тебя я забылъ, и незнаю, гдѣ ты,
И съ другимъ, можетъ, счастлива нѣжно,
И минувшаго чувства лѣнные цвѣты,
Всѣ развѣяны бурей мятежной.
Ничего не хочу, ничего мнѣ не жаль,
Предъ грядущимъ не страшно — не
скрою..
Прлетаетъ ко мнѣ мировая печаль
И садится тоскливой сестрою...

Анатолій Доброхотовъ.

Москва.

ДОНОСЧИКЪ.

Разсказъ Семенова - Волжскаго.

Марковъ вздрогнулъ отъ неожиданности, когда на узкой лѣсной тропинкѣ выскочилъ изъ-за дерева запыхавшійся отъ быстрого хода худощавый, невысокаго роста чело- вѣкъ въ чесучевомъ потномъ пиджакѣ. Онъ чуть-чуть не спшибъ Маркова съ ногъ, остано- вившись и сказалъ:

— Извините пожалуйста .. я кажется обезпокоилъ Васъ...

— Нѣтъ, нѣтъ ничего.. пожалуйста..

— Я видите ли, собаку разыскиваю... Позвольте представиться... Вы вѣдь господинъ Марковъ?.. На дачѣ изволите проживать у Бѣлогородскихъ?..

— Да, у Бѣлогородскихъ!..

— Ну, а я снимаю дачу у Соколовыхъ... Знаете, вотъ здѣсь у лѣса?.. На самомъ краю... Позвольте представиться: Синицынъ.

— Очень приятно,—сказалъ Марковъ.

Синицынъ церемонно раскланялся, по- жаль руку и ухмыльнулся:

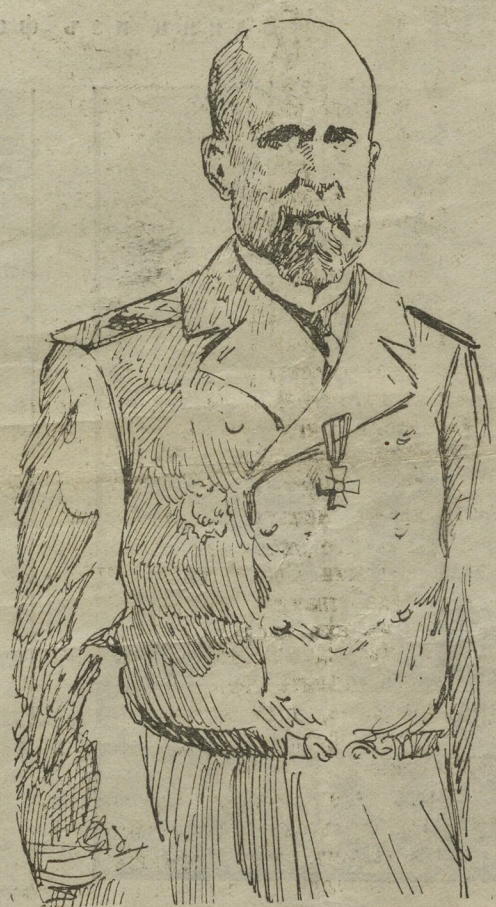
— Живемъ почти рядомъ... Я часто ви- жу Васъ, а до сихъ поръ не познакомились.

— Да,—неопредѣленно протянулъ Мар- ковъ и вспомнилъ, что встречалъ Синицына вмѣстѣ съ полной, интересной, кокетливой дамой, вѣроятно его женой.

— Гулять изволите?

— Да.

— А я вотъ собаку разыскиваю. Не встрѣ- чали ли вы случайно въ лѣсу. Рыжая эда- кая, высокая породы... да чертъ ее знаетъ какой она породы... Я собственно говоря мало интересуюсь этимъ. И вообще...

† Адмиралъ Николай Оттовичъ Эссенъ,
бъ командующій Балтійскимъ флотомъ.

ну ее къ черту эту собаку... Но жена... видите ли, женскій капризь...

— Жена, видите ли все безпокоится, что ее бѣшенный волкъ загрызетъ, откуда то распространились слухи, что въ лѣсу бѣга- етъ бѣшенный волкъ и часто загрызаетъ со- бакъ. А наша рыжая дура имѣетъ привычку бѣгать по лѣсу. Такъ вотъ, жена вообразила, что ее можетъ загрысть волкъ и послала ме- ня найти ее. Да гдѣ ее найдешь?... Я уже кричалъ, свистѣлъ, а нѣтъ нигдѣ, можетъ быть и правда, ее волкъ загрызъ... Афри- канка... африканка...—закричалъ Синицынъ.

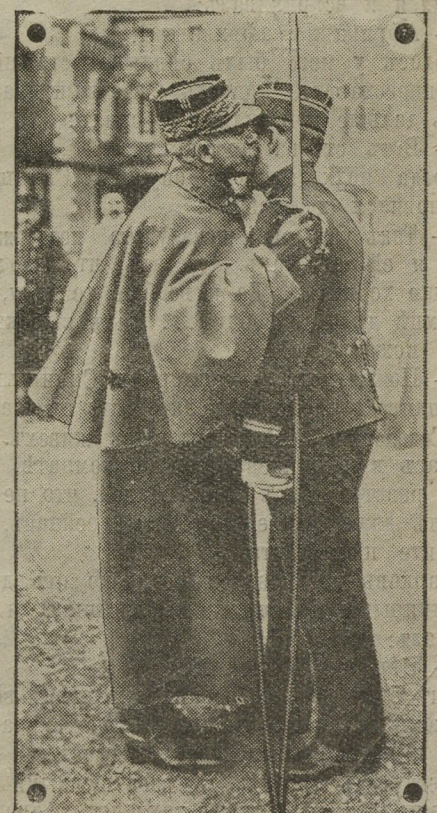
— А можетъ быть она уже дома?

— Въ томъ то и дѣло, что нѣтъ. Я было извращался, а жена опять отослала. Безъ собаки, говорить, не приходи. «Африканка!» —взвизгнулъ Синицынъ и опять повернулся къ Маркову.

— Имязваніе то какое то дурацкое. Поче- му «африканка», а не «стерва», или просто «дрянь». Самое подходящее было бы по мо- ему названіе.

Адмиралъ Джонъ М. де-Робекъ,
смѣнившій адмирала Кардена на посту коман- дующаго англо-французской эскадрой у Дар- данелль.

Награжденіе одного изъ французскихъ героевъ крестомъ Почетнаго Легіона.
Генераль Ревераръ передаетъ лейтенанту Кіеля, лобызая его по французскому обычаю, крестъ Почетнаго Легіона.

— Ну, это ужь не удобно.. — улыбнулся Марковъ.

— Не удобно — сморщился Синицынъ. — А это вотъ удобно по нашему, что я цѣлую недѣлю сижу въ канцеляри, работаю, а въ праздничный день мнѣ бы отдохнуть, а я какъ мальчишка какой, за собаками гоняюсь... Это удобно развѣ...

— Да, конечно.. да вы бросьте, не ищите, сама придетъ, а если, дѣйствительно, волкъ загрызъ, такъ все равно ничего не сдѣлаете.

— Конечно, не буду искать, что я мальчишка что-ли. Сейчасъ же пойду домой. Вы тоже изволите домой идти.

— Да пора уже, нагулялся...

— Тогда у меня къ вамъ покорѣйшая просьба, будьте такъ добры, пойдите вмѣстѣ и, когда будемъ проходить мимо нашей дачи, скажите моей женѣ, что я дѣйствительно и какъ собаку. А то она все думаетъ, что я обманываю ее и просто лежу подъ деревомъ... Вѣдь вы же видели, что я искалъ, ходилъ, а не лежалъ... Вотъ видите, какъ потъ льется отъ поиска, — Синицынъ энергично обтиралъ лицо и лобъ платкомъ и обмахивался картузомъ.

— Да, конечно, сказалъ Марковъ.

— Будьте пожалуйста, благороднымъ свидетелемъ, а не то опять будетъ исторія... Это замѣтите, каждый праздникъ повторяется... Какъ только праздникъ, такъ, «африканка» эта проклятая и пропадаетъ весь день, и является домой только къ вечеру. Точно нарочно. Ну, да ужь больше я за ней не пойду. Чортъ съ ней. Скажу, что ее дѣйствительно загрызъ волкъ, что я собственными глазами видѣлъ истерзанный трупъ ея, что меня самого чуть не загрызъ волкъ... только ходить по лѣсу я больше не намѣренъ... Вотъ пожалуйста, здѣсь прямая дорога къ нашей дачѣ... Пойдемте!..

Синицынъ пошелъ впередъ по узкой тропинкѣ и Марковъ съ трудомъ сдерживалъ улыбку, шагая за нимъ.

Онъ сгорбился, вытянулъ острия плечи и раздраженно размахивалъ мокрымъ картузомъ. Иногда онъ останавливался, прислушивался и вскрикивалъ:

— Африканка, африканка!!

Голосъ у него былъ сильный, уставшій и онъ переставалъ кричать, откашливался, шелъ дальше и ворчливо говорилъ:

— Вотъ стерва поганая...

Когда подходили къ опушкѣ, Синицынъ остановился и сказалъ:

— Такъ ужь вы пожалуйста поддержите, а то я ей-Богу такъ усталъ, что не могу больше ходить... Да и вообще не хочу, какое мнѣ дѣло до собаки... Такъ вы скажите?.. пожалуйста!..

— Пожалуйста, — повторилъ Синицынъ и торопливо вышелъ на поляну, гдѣ стояла дача Соколовыхъ. — Вотъ мы здѣсь живемъ. Я сейчасъ крикну жену, она въ комнатѣ. Она такъ разстроена съ этой собакой, что не выходитъ даже на веранду... Я сейчасъ, подождите пожалуйста.

Марковъ остановился недалеко отъ дачи, а Синицынъ побѣжалъ по лѣстницѣ и закричалъ:

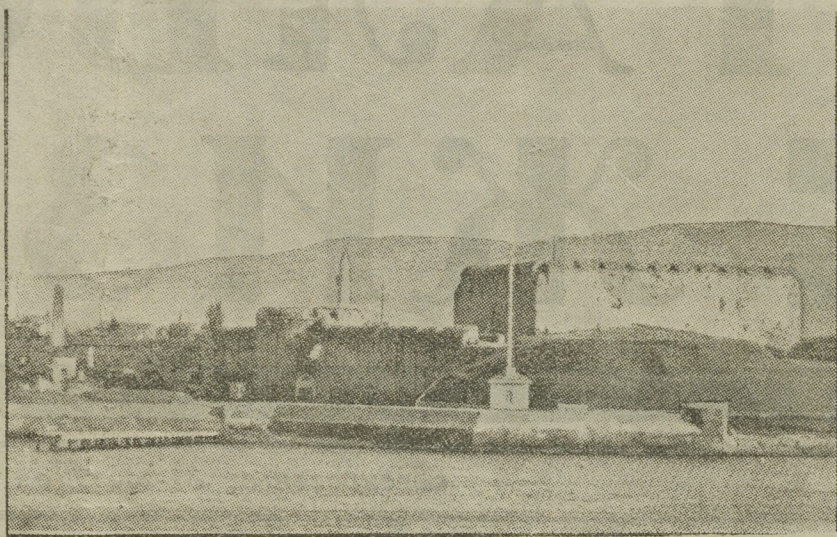
— Вѣрочка, Вѣрочка!!

Онъ былъ уже на верандѣ и хотѣлъ войти въ комнату, когда дверь быстро распахнулась и на порогѣ показалась его жена въ растегнутомъ капотѣ, съ распущенными волосами. Она сейчасъ же захлопнула дверь и визгливо крикнула:

— Гдѣ африканка, гдѣ, не напелъ..

Такъ я не пушу тебя въ комнату до тѣхъ поръ, пока не найдешь ее... Ты меня мучаешь...

Война съ Турціей.

Одинъ изъ фортвъ у Ханака.

Русскій монастырь въ Сань-Стефано, близъ Константинополя,

отъ котораго теперь осталась гряда развалинъ.

— Да не виновать же я, что ее нѣтъ нгдѣ...

— Ты знаешь, что я не здорова и нарочно раздражаешь меня... Ступай, ступай, найди...

— Да нѣтъ ее... можетъ быть ее и въ правду волкъ загрызъ...

— Что, что? Ахъ!! — взвизгнула жена Синицына, — ты хочешь совсѣмъ убить меня, ты не искалъ, я знаю, ты гдѣ нибудь подъ деревомъ валялся.

— Вотъ спроси, спроси, вотъ свидетель...

— Господинъ Марковъ, — крикнулъ Синицынъ, — подтвердите пожалуйста.

Марковъ подошелъ къ верандѣ и раскланялся.

Жена Синицына застегивала капотъ иправляла волосы, а Марковъ стоялъ и улыбался.

— Подтвердите пожалуйста, — сказалъ Синицынъ.

— Простите сударыня... — смущенно

Бомбардировка Дарданелль.

Видъ Дарданелль съ птичьяго полета. 1. Адрианополь. 2. Саросская бухта. 3. Галлиполи. 4. Мраморное море. 5. Нагара. 6. Килидь-Бахрь. 7. Ханакъ (Кале-Султаніе). 8. Седъ-эль-Бахрь. 9. Кумъ-Кале. Стрѣлки показываютъ направленіе къ Константинополю.

проговорилъ Марковъ, — но я долженъ засвидѣтельствовать, что вашъ супругъ дѣйствительно очень энергично разыскивалъ собаку. Я встрѣтилъ его въ лѣсу въ такомъ состояніи, что мнѣ даже жалко стало его...

— Да?! — протянула жена Синицына, — благодарю васъ. Простите пожалуйста, что обезпокоила васъ. Но гдѣ же можетъ быть «африканка»? Неужели ее правда, загрызъ волкъ?

— Конечно загрызъ! — обрадованно вскрикнулъ Синицынъ, теперь и искать нечего.

— Нѣтъ, нѣтъ!! — взвизгнула жена, — я не перенесу этого!! Во всякомъ случаѣ, ты долженъ сейчасъ же пойти опять въ лѣсъ и найти!!

— Вѣрочка, да ты подумай!..

— Я ничего не хочу слушать, не хочу думать!.. Ступай и найди, а въ комнату я тебя не пушу до тѣхъ поръ, пока не найдешь

Онъ наскоро пожалъ руку Маркову, быстро пошелъ къ лѣсу.

Марковъ отошелъ отъ веранды и только что двинулся по дорогѣ, услышалъ какъ открылась дверь, взвизгнула собака и жена Синицына смѣющимся голосомъ сказала:

— Ушелъ... держи «африканку»!.. я опять прогнала его въ лѣсъ.

Дверь захлопнулась, громко шелкнулъ замок и все стихло.

Марковъ остановился, прислушался, потомъ зашагалъ за уголъ дачи, осторожными шагами подкрался къ окну и ясно услышалъ смѣющийся голосъ жены Синицына и чей то другой мужской и нетерпѣливый взвизгъ собаки. Марковъ все понял, вспыхнулъ злобой и быстрыми шагами пошелъ къ лѣсу. Онъ увидѣлъ Синицына на второй паеѣкѣ. Сгорбившись и смѣшно размахивая картузомъ Синицынъ шелъ такъ скоро, точно торопился увидѣть истерзанный трупъ «африканки».

Иногда онъ останавливался и уставшимъ шипящимъ голосомъ раздраженно вскрикивалъ: «Африканка, африканка, чортъ бы тебя побралъ!!».

Потомъ онъ прислушивался, злобно взмахивалъ картузомъ и шелъ дальше.

— Послушайте, — крикнулъ ему Марковъ, — подождите...

Синицынъ остановился, удивленно оглянулся и сказалъ:

— Ахъ, это вы?! Вы хотите опять пойти со мной на поиски проклятой собаки.

— Нѣтъ, мнѣ нужно поговорить съ вами, подождите!..

Синицынъ утомленно прислонился къ дереву и, когда подошелъ Марковъ, спросилъ:

— Что случилось?

— Вотъ что, — притворяясь спокойнымъ и не глядя въ лицо Синицына сказалъ Марковъ. — Бросьте искать собаку по лѣсу. Она лежитъ у васъ на дачѣ, въ комнатѣ.

— Что вы... — недовѣрчиво вскрикнулъ Синицынъ, — да не можетъ быть, да почему вы знаете... Да что это... жена издѣвается, что ли надо мной.

— Да ужъ не знаю, а только если вы сейчасъ поспѣшите домой, то найдете въ комнатѣ не только африканку, но и любовника вашей жены, — промолвилъ Марковъ, не скрывая раздраженія...

— Что? — промолвилъ Синицынъ и покачнулся, — да не можетъ быть, да вы навѣрно смѣтаетесь надо мной...

— Въ будни то онъ вѣроятно служить... Ему некогда, а въ праздникъ является, вотъ тогда то и пропадаетъ «африканка»... Понимаете!.. — злобно ухмыляясь продолжалъ Марковъ...

Синицынъ опустилъ голову, отвернулся отъ Маркова и стремительно зашагалъ по дорогѣ къ дачѣ и скоро исчезъ за деревьями.

Марковъ пошелъ домой, но вдругъ совесть начала мучить его: «а вѣдь я учинилъ доносъ, вѣдь я доносчикъ», думалъ онъ. Вспыхнуло смущеніе нелю кисти, но сейчасъ же Марковъ спокойно и твердо рѣшилъ: и пусть, зачѣмъ же заставляя человѣка мучаться изъ-за какой то проклятой «африканки»... и... нужно же открыть глаза этому дураку Синицыну...

Семеновъ-Волжскій.

У А. И. Куприна

Похудѣвшій, но съ помолодѣвшимъ, покрытымъ загаромъ лицомъ встрѣчаетъ меня, — говоритъ сотрудникъ „Б В.“ — А. И. Купринъ въ саду на своей дачѣ въ Гатчинѣ.

— Какъ видите, — говоритъ А. И. — оддыхаю...

Война Италіи съ Австріей.

Большой каналъ въ Триестѣ.

Триестъ — важнѣйшій портовый городъ Австріи, въ немъ 162 тысячи жителей, большинство которыхъ итальянцы.

Сиюю цѣлыми днями на солнцѣ и радуюсь пробужденію природы. Подойдетъ садовникъ: «А сегодня, Александръ Ивановичъ, тополь рубашку сталъ мѣнять». И такъ сердечно радуется, что невольно заражаешься его радостью. И работать не хочется, такъ бы и сидѣлъ цѣлыми днями, ничего не дѣлая...

Сильно огорченъ я тѣмъ, что оказался негоднымъ къ военной службѣ. Съ большой радостью уѣзжалъ въ Финляндію, думалъ, если не на войнѣ, то тамъ пригожусь... Сначала все хорошо шло, но потомъ сталъ уставать. Въ строю ходить съ солдатами еще могу, но дѣлать «перебѣжки» — невозможно... Затыкаюсь. Да и нервы сильно стали пошаливать... Хочу что нибудь дѣлать и забываю, или дѣлаю совершенно другое. Освидѣтельствовали меня и признали совершенно негоднымъ къ строевой службѣ. Къ сожалѣнію, и на другой я не могу пригодиться. Простой бумажки составить не могу. Надо мной и то смѣялись, говорили, что послѣ «Сатирикона» самое смѣшное — мои рапорты. А я ихъ писалъ совершенно серьезно.

Немного времени я провелъ на военной службѣ, но вспоминаю ее съ удовольствіемъ. Какъ иногда встрѣчаешь послѣ многолѣтняго перерыва человѣка, котораго помнишь еще ребенкомъ, и не вѣришь своимъ глазамъ, что онъ такъ выросъ, такъ и на службѣ я не узналъ ни солдатъ, ни офицеровъ. Гдѣ же мои офицеры изъ «Поединка»? Всѣ выросли, стали неузнаваемыми. Въ армию вошла новая, сильная струя, которая тѣсно связала солдатъ съ офицерствомъ. Общее чувство долга, общая опасность и общія неудобства соединили ихъ и такимъ образомъ то, чего добивались много лѣтъ, т. е. сліянiя общества съ народомъ, теперь совершилось.

— Надолго?

— Я думаю навсегда. По крайней мѣрѣ хочу въ это вѣрить. Пережитое должно связать навсегда интеллигенцію съ народомъ. Хотя предугадывать будущее я боюсь. До 18 февраля я считалъ себя обладателемъ очень тонкаго чутья, и не одинъ разъ я предугадывалъ будущее. Мнѣ почему то казалось, что война должна окончиться 18-го февраля, я твердо въ это вѣрилъ и говорилъ объ этомъ на каждомъ углу, но жестоко ошибся... Больше ужъ прелазывать не берусь.

— Правда ли, что на дняхъ выходитъ третья часть «Ямы»?

— Да! Но, къ сожалѣнію, опосредственно «Ямы» я вамъ ничего новаго сказать не могу. За меня ее давно закончилъ графъ Амори. Сначала я злился, а потомъ подумалъ, что можетъ быть у него есть дѣти, и успокоился на этой мысли. Во всякомъ случаѣ я твердо вѣрю, что свое дѣло я сдѣлалъ. Проституція — это еще болѣе страшное явленіе, чѣмъ война, моръ и т. д. Война пройдетъ, но проституція живетъ вѣками. Когда Левъ Толстой прочиталъ «Яму», онъ сказалъ: «Рязно это». Возможно, что это грязь, но надо же очиститься отъ нея. И если бы самъ Левъ Толстой написалъ съ гениальностью великаго художника о проституціи, онъ бы сдѣлалъ великое дѣло, такъ какъ къ нему прислушались бы болѣе, чѣмъ ко мнѣ.

Къ сожалѣнію, мое перо слабо, я только пытаюсь правильно освѣтить жизнь проститутки и показать людямъ, что нельзя къ нимъ относиться такъ, какъ относились до сихъ поръ. И онѣ люди...

Предполагалъ я выгустить «Яму» въ двухъ частяхъ, но мои издатели раздѣлили вторую часть на двѣ, и, такимъ образомъ, повѣсть получилась изъ трехъ частей. По моему это большая ошибка издательства. Особенно мнѣ неприятно, какъ автору, что вторая и третья части пойдутъ въ цензуру отдѣльно. Вѣроятно, будутъ всевозможныя сокращенія. Сначала отрубятъ руку, затѣмъ ногу и т. д. Я предпочелъ бы, чтобы мнѣ сразу отрубали голову, а этого можно было бы достигнуть, если бы вторая часть осталась неприкосновенной до представленія въ цензуру.

— Надѣ чѣмъ же вы работаете теперь?

— Абсолютно ни надѣ чѣмъ. Въ Финляндіи я написалъ разсказъ «Драгунская молитва», отослалъ въ редакцію одной газеты, но до сихъ поръ не вижу его напечатаннымъ. Очевидно, или не пропустила цензура, или же затерялся на почтѣ. Въ ближайшіе же дни я займусь возобновленіемъ разсказа.

Не думайте, что я тамъ пишу что-нибудь о психологіи солдатъ на войнѣ. Нѣтъ, тамъ больше говорится о кавалерійскихъ лошадяхъ. Писать военные разсказы я не считаю возможнымъ, не побывавъ на позиціяхъ. Какъ можно писать о бурѣ въ морѣ, если самъ никогда не видѣлъ не только легкаго волненія, но даже самаго моря?.. На войнѣ я не бывалъ, и потому мнѣ совершенно чужда психологія сражающихся солдатъ... Поправлюсь и тогда побѣду корреспондентомъ. Я увѣренъ, что это дастъ мнѣ многое.

Разговоръ коснулся остраго нѣмѣ еврейскаго вопроса. А. И. Купринъ сразу оживился.

— Мнѣ много приходилось слышать о ягобы пэмбичическомъ поведеніи евреевъ. Я увѣренъ, что слухи эти не отвѣчаютъ дѣйствительности. Конечно, евреи проживающіе на границѣ, хорошо были ознакомлены съ жизнью своихъ собратьевъ за границей, знали, что они пользуются тамъ нѣкоторыми льготами, а потому жизнь хотя бы подъ властью Германіи казалась имъ лучшей, чѣмъ въ Россіи. Но это только пограничные евреи, которыхъ гореть, что же касается всего еврейскаго народа, то я увѣренъ, что онъ никогда не будетъ желать побѣды врагамъ Россіи. Мнѣ много приходилось видѣть эмигрантовъ-евреевъ, которые некрепко тосковали по Россіи, такъ какъ въ ней они видѣли свою родину. Какъ хотите, чело- вѣкъ, родившійся въ какой-либо странѣ, проведшій тамъ свои дѣтство и юность, не можетъ равнодушно относиться къ судьбѣ своего отечества, даже если бы ему тамъ очень плохо жилось.

